

МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-2-42-57

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
danilalvy@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4833-2525

Ксения Владимировна КРЫМСКАЯ

Юридическая и консалтинговая фирма «Фактор»
Мичуринский проспект, д. 16, Москва, 119192, Российская Федерация
kseniakrymskaya@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6254-9539

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИСКУССТВЕННЫХ ОСТРОВОВ И ИНЫХ СТАЦИОНАРНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В МОРЕ

ВВЕДЕНИЕ. В докладе Генерального секретаря ООН за 1969 г. указывалось, что «во всем мире» работало (на тот период) 125 стационарных конструкций, используемых для бурения в море и добычи нефти. В двухтомнике «Международное морское право», изданном в Великобритании в 1994 г., отмечалось, что «примерно 6000 стационарных конструкций находится в морских районах по всему миру». В 2014 г. только в районе действия Конвенции по защите морской среды Северо-Восточной Атлантики 1992 г. было расположено более 1300 таких установок. Статистические данные о таких морских конструкциях на январь 2018 г. показывают их максимальное количество в Северном море (184 установки), в Мексиканском заливе (175), в Персидском заливе (159), в дальневосточных морских районах (155), в морях Юго-Восточной Азии (152) при среднем числе установок в иных районах Мирового океана (от 3 до 88), с мини-

мальным их числом в Канадской Арктике (1). Соответственно, вопросы толкования статей международных конвенций, определяющих правовой режим искусственных островов и иных стационарных конструкций в море, приобретают все большую актуальность. Да и в общем контексте роста экономической и военной ответственности между государствами, в том числе в ходе деятельности на море, с привнесением в такую деятельность новых достижений науки и технологий, межгосударственные отношения, связанные с сооружением и размещением в море искусственных островов и иных стационарных платформ требуют предметного международно-правового регулирования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье исследуются, прежде всего, те международные договоры, а также принятые в соответствии с ними иные международно-правовые документы, в которых выражения «искусственные острова», «морские

установки», «сооружения», «устройства» имеют ключевое значение и которыми установлены предписания, применимые к регулированию отношений между государствами и иными субъектами международного права. Материалом для исследования послужили и доктринальные комментарии к соответствующим статьям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и Женевским морским конвенциям 1958 г., а также предложенные в науке определения понятий «искусственные острова», «установки и сооружения». Избраны традиционные методы исследования, общенаучные и специальные, при акценте на сравнительно-правовом методе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Большинство специалистов по морскому праву, рассматривавших данную проблематику, сосредоточили внимание на авторских дефинициях вышеобозначенных конвенционных понятий, корректно отмечая, что отсутствие в универсальных международных договорах согласованных определений таких терминов затрудняет единообразное толкование и применение соответствующих конвенционных положений. А они в практическом плане играют важную роль, поскольку касаются, в первую очередь, соотношения прав и юрисдикции, гармонизации значимых интересов прибрежного и других государств в морских районах, где в данный момент создаются или уже используются искусственные острова, установки и сооружения, в том числе в территориальном море, исключительной экономической зоне, а также на континентальном шельфе.

Вместе с тем столь различные авторские дефиниции лишь усугубляют отмеченные трудности выявления смысла тех норм универсальных конвенций по морскому праву, которые обозначают правовое положение искусственных островов, установок и сооружений в море. Это, в свою очередь, не способствует правовой определенности в отношениях между государствами, в том числе в таких чувствительных об-

ластях, как безопасность на море и защита морской среды.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В контексте исследования авторами настоящей статьи не поддержана ни одна из предложенных в науке классификаций искусственных островов, установок и сооружений и ни одна из выдвигаемых учеными дефиниций. Вместо акцента на подобной классификации или авторских дефинициях в статье обосновывается объективно существующее согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. различие между статусом «искусственных островов», с одной стороны, и иными стационарными конструкциями независимо от их конвенционного названия («установки», «сооружения», «устройства», «оборудование» и т.д.) – с другой. Это правовое различие, как показано в статье, обусловлено с трудом согласованным на III Конференции ООН по морскому праву компромиссом в отношении баланса экономических, оборонных и природоохранных интересов прибрежного и иных государств, прежде всего в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., Конвенция о континентальном шельфе 1958 г., искусственные острова, стационарные конструкции в море, установки и сооружения в море, прибрежные установки, зоны безопасности, постоянные портовые сооружения, исключительная экономическая зона, континентальный шельф, открытое море, надлежащее оповещение, Международная морская организация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вылегжанин А.Н., Крымская К.В. 2018. Международно-правовой режим искусственных островов и иных стационарных конструкций в море. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 42–57.
DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-2-42-57

Alexander N. VYLEGZHANIN

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4838-2525

Kseniya V. KRYMSKAYA

Legal and Consulting Firm "Factor"
16, Michurinskii pr., Moscow, Russian Federation, 119192
kseniakrymskaya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6254-9539

LEGAL REGIME OF ARTIFICIAL ISLANDS AND OTHER PERMANENT STRUCTURES AT SEA

INTRODUCTION. *The 1969 Report of the UN General Secretary noted that 125 fixed platforms were used in offshore areas for the purpose of oil industry. "The International Law of the Sea" (Vol. 1 and 2) published in UK in 1994 provides that "approximately 6000 fixed platforms have been installed in offshore areas throughout the world". In 2014 only in the area of the OSPAR Convention, 1992, more than 1300 offshore constructions were installed. As for January 2018, the majority of these constructions are in the North Sea (184), the Gulf of Mexico (175), the Persian Gulf (159), and offshore of Far East Asia (152) and Southeast Asia (152). In the other regions this number varies from 3 to 88, while the Canadian Arctic has the smallest number of offshore constructions limited to just 1 object.*

Accordingly, the issues of interpretation of UNCLOS articles on legal regime of artificial islands and other fixed structures at sea are becoming more pressing. Moreover, the interstate relations, regarding construction of artificial islands in offshore areas, need relevant legal framework to be in place, taking into account the constant growth of economic and military "competition" among countries, as well as the development of science and technologies applicable to offshore construction.

MATERIALS AND METHODS. *This paper dwells upon the international treaties and other legal instruments, which rely upon the terms "artificial islands", "installations", "structures" at sea for regulating relations among States and between*

States and other international law subjects. The materials for this paper are also commentaries of the UNCLOS, interpretation of the relevant articles of 1958 Geneva maritime conventions, applicable resolutions of the International Maritime Organization, and also definitions of the conventional terms suggested by scholars. The methodological basis of the research consists of general scientific and specific methods, including comparative method.

RESEARCH RESULTS. *Most specialists in the law of the sea who research similar topics dwell upon their personal definitions of the conventional terms mentioned above. Such specialists correctly note that the absence of such definitions in UNCLOS makes it difficult to interpret and apply relevant articles in a proper way. Meanwhile, the necessity for such interpretation and application is of practical value because such terms of UNCLOS relate firstly to relevant rights and jurisdiction of coastal and other States in maritime areas where artificial islands, installations and structures are used, including the territorial sea, the EEZ and the continental shelf.*

Nevertheless lots of different definitions of such terms suggested by scholars make it even more difficult to interpret and apply the rules of UNCLOS on artificial islands, installations and structures, including such sensitive areas of interstate relations as safety at sea and protection of the marine environment.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The authors of this paper do not support any classification or definition of "artificial islands", "installations" or*

“structures” or any other definition of other specific words used in UNCLOS for such terms. Instead the authors bring arguments to legal delineation of artificial islands from any other permanent structure at sea independently of the fact which particular word is used in UNCLOS for describing such a structure in a relevant article (“installations”, “structures”, “devices”, “equipment” etc.). It is argued in this paper that such legal delineation is caused by a difficult and comprehensive balance of interests achieved during the III Conference on the Law of the Sea, and such interests relating to economic, military, environmental interests of States, coastal and non-coastal, firstly in the EEZ and on the continental shelf.

KEYWORDS: UN Convention on the Law of the Sea 1982, Convention on the Continental shelf 1958, artificial islands, permanent structures at sea, installations and structures at sea, offshore installations, safety zones, permanent harbor works, exclusive economic zone, continental shelf, high seas, due notice, International Maritime Organization

FOR CITATION: Vylegzhanin A.N., Krymskaya K.V. Legal Regime of Artificial Islands and Other Permanent Structures at Sea. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 2. P. 42–57. DOI: 10.24833 / 0869-0049-2018-2-42-57

1. Введение

Статьи действующих универсальных конвенций по морскому праву – Женевских морских конвенций 1958 г. и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее также – Конвенция 1982 г.) – используют выражения «наиболее выдающиеся в море постоянные портовые сооружения», «прибрежные установки», «искусственные острова», «установки», «сооружения», «конструкции» и «оборудование» при обозначении прав и обязательств прибрежного и иных государств в различных по своему правовому режиму морских районах. В контексте конкретных конвенционных статей правовые значения этих терминов могут и совпадать, и различаться, что будет рассмотрено далее. Кроме того, возникает вопрос: как корректно толковать такие статьи для целей характеристики правового режима, например, удаленного в море мола, оконечность которого служит одновременно и местом разгрузки танкеров с большой осадкой, и местом приема нефти по трубопроводу, тянущемуся от еще более удаленной в море нефтедобывающей буровой установки? Еще больше практически значимых вопросов встает в связи с характеристикой правового статуса искусственных островов и иных стационарных конструкций за пределами морской государственной границы прибрежного государства, прежде всего в исключительной экономической зоне (далее также – ИЭЗ) и на континентальном шельфе.

Первоначально в науке международного права не проводилось различия даже между правовым положением *естественных* и *искусственных островов*. Так, Ж. Жидель отмечал, что искусственные острова следует рассматривать как естественные, если им присущи следующие характеристики: (1) это окруженный водой некий наземный участок; (2) он находится над уровнем воды, и (3) этот искусственный остров пригоден для жизни на нем людей [Dilpa 1984]. Кроме того, авторитетный правовед полагал, что «схожи с естественными островами те искусственные острова, которые удовлетворяют тем же условиям и образование которых в силу естественных феноменов было спровоцировано или усилено посредством труда человека» (“Sont assimilées aux îles naturelles les îles artificielles satisfaisant aux mêmes conditions et dont la formation par l’action de phénomènes naturels a été provoquée ou accélérée au moyen de travaux”) [Dilpa 1984]. Автор имел в виду, видимо, образование искусственного острова в результате наноса, в свою очередь, спровоцированного, например, изменением русла реки или установкой плотины в районе морского течения. Профессор Жидель отмечал, однако, что такое отождествление статуса искусственного острова со статусом естественного острова применяется только к тем островам, которые находятся целиком или частично в территориальном море прибрежного государства¹.

В 1927 г. в докладе Комитета экспертов Совету Лиги Наций рассматривалась идея присвоить

¹ Galea F. Artificial Islands in the Law of the Sea. Dissertation Presented by in Partial Fulfilment of the Requirement for the Degree of Doctor of Laws. Malta. 2009. P. 25.

искусственному острову статус судна. В докладе указывалось, что в качестве судов должны рассматриваться «фиктивные» острова, созданные в результате человеческой деятельности, удерживаемые якорем над каким-то районом морского дна, не будучи «конструктивно» прикрепленными к дну (“...which have no solid connection with the bed of the sea...”) [Mouton 1952:235].

Такие вопросы в тот период не решались в договорно-правовой практике, прежде всего, ввиду того, что строительство столь сложных конструкций в море не осуществлялось. В середине XX в. ситуация стала меняться. Создание в море в 1949 г. Советским Союзом первых в мире искусственных сооружений островного типа («Нефтяных камней»), практика Нидерландов и ряда других стран по продвижению в море за счет строительства удаленных от береговой линии гидротехнических сооружений придали импульс работе по уточнению правового положения созданных человеком и размещенных в море стационарных объектов.

2. Женевские морские конвенции 1958 г.

В соответствии со ст. 8 Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г. «наиболее выдающиеся в море постоянные портовые сооружения (the outer most permanent harbor works), которые являются составной частью системы данного порта, рассматриваются как часть берега» для целей определения границ территориального моря. Конкретных дистанционных ограничений (насколько далеко такие сооружения могут «выдаваться в море») статья не предусматривает. По Конвенции о континентальном шельфе 1958 г. (далее – Конвенция о шельфе 1958 г.) только прибрежное государство имеет право «возводить, содержать или эксплуатировать на континентальном шельфе сооружения (installations) и иные установки (other devices), необходимые для разведки и разработки его естественных богатств» (п. 2 ст. 5). Конвенция, используя различные слова, не устанавливает, чем «сооружение» в юридическом плане отличается от «установки». Из конвенционного контекста следует, что в обоих случаях речь идет о *стационарных* (а не о *подвижных*) конструкциях, местоположение которых в море *фиксировано*, и что термин «установка» используется в более широком значении, чем слово «сооружение», поскольку «сооружение», по смыслу статьи, тоже «установка». Это важно отметить, потому что

авторитетные специалисты по морскому праву в качестве более общего рассматривали понятие сооружения, а не категорию установки [Марков 1985:217].

Такие «сооружения и иные установки», по смыслу Конвенции о шельфе 1958 г., юридически четко отграничены от понятия «остров». В соответствии с п. 4 ст. 5 этого документа «такие сооружения или установки, хотя они и находятся под юрисдикцией прибрежного государства, не имеют статуса островов и своего территориального моря, и их наличие не влияет на определение границ территориального моря прибрежного государства». Понятно, что в данном случае имеется в виду *естественный остров*. Термин «искусственные острова» Конвенция о шельфе 1958 г. не содержит, в отличие от Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Обратим внимание и на то, что по смыслу Конвенции о шельфе 1958 г. исключительное право прибрежного государства «возводить, содержать или эксплуатировать» на своем шельфе «сооружения и иные установки» ограничено целью «разведки и разработки его естественных богатств». Вопрос о том, имеет ли прибрежное государство это же исключительное право «возводить, содержать или эксплуатировать» такие установки в *иных целях*, например в *оборонных*, мы рассмотрим далее, при анализе соответствующих положений Конвенции 1982 г.

Конвенция о шельфе 1958 г. предусматривает право прибрежного государства «создавать зоны безопасности (safety zones)» вокруг указанных сооружений и установок, а также «принимать в этих зонах меры, необходимые для их охраны» (п. 2 ст. 5). Конвенционную связь слов «сооружения» и «установки» как выражающих одно и то же правовое понятие подтверждает и п. 3 ст. 5 вышеупомянутого документа, согласно которому и вокруг сооружений, и вокруг установок прибрежное государство вправе устанавливать *зоны безопасности*, которые «могут простираются на расстояние 500 метров», считая «от каждой точки их наружного края».

Итак, во-первых, никаких исключений из правила о предельной протяженности зоны безопасности Конвенция о шельфе 1958 г. не предусматривает.

Во-вторых, она исходит из *стационарного характера* тех «сооружений и иных установок», которые подпадают под ее действие. По смыслу Конвенции, если установка не стационарная, то она не будет иметь специальный статус: вокруг

буксируемой буровой установки, например, недопустимо устанавливать *зону безопасности*. Этот подход, поддержанный и в Конвенции 1982 г. (как будет показано в следующем разделе), воспринят в настоящей статье, посвященной анализу правового положения именно *стационарных конструкций*. Вместе с тем далее будет отмечена специфика правового положения буксируемой нефтедобывающей установки или самоходной платформы в период ее движения в море (до фиксации ее местоположения и начала производственной деятельности).

В-третьих, в Женевских морских конвенциях 1958 г. четко *разграничены* статусы «сооружений и иных установок» и «подводных кабелей и трубопроводов». Подводный трубопровод, имея по Конвенции о шельфе 1958 г. (равно как и по Конвенции 1982 г.) специальный правовой режим, не охватывается конвенционным понятием «сооружение или иная установка» [Вылегжанин, Москва 2015:62–69]. Поэтому отнесение к данной конвенционной категории «подводных кабельных систем и трубопроводов» авторитетным специалистом по морскому праву [Марков 1985:217] не следует считать корректным.

3. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.

В Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., в отличие от Женевских морских конвенций 1958 г., используется, кроме термина «остров» (имеется в виду естественный остров), еще и выражение «искусственный остров». Их правовые статусы разграничены. В соответствии с Конвенцией 1982 г. остров – это «естественно образованное пространство суши, окруженное водой, которое находится выше уровня воды при приливе»². Используемое в Конвенции 1982 г. понятие «искусственные острова» не определено. Вместе с тем по смыслу Конвенции 1982 г. главное правовое отличие «острова» (естественного) от «искусственных островов» (рукотворных) состоит в том, что вокруг последнего может быть установлена только *зона безопасности*, но не *территориальное море*. Нет вокруг искусственных островов и *исключительной экономической зоны*, равно как и *континентального шельфа*. Такое четкое конвенционное отрицание тождества правовых концепций острова (естественного)

и искусственных островов, а также иных стационарных конструкций, созданных человеком и находящихся в море, рационально и обоснованно. В ином случае возник бы соблазн злоупотребления: государство могло бы, например, строить искусственные объекты в море в целях расширения своей морской государственной территории, тем самым привнося риск возникновения новых международных разногласий.

В соответствии со ст. 11 Конвенции 1982 г. (эта статья почти *verbatim* повторяет процитированную выше ст. 8 Конвенции о шельфе 1958 г.) «наиболее выдающиеся в море постоянные портовые сооружения, которые являются составной частью системы данного порта, рассматриваются как часть берега» для целей определения границ территориального моря. Но в отличие от Конвенции о шельфе 1958 г. Конвенция 1982 г. содержит юридически значимое уточнение: «Прибрежные установки (offshore installations) и искусственные острова (artificial islands) не считаются постоянными портовыми сооружениями». Эта конкретизация на практике может вызвать вопросы. Будет ли юридически квалифицирован как «прибрежная установка», например, мост, соединяющий нефтеналивной причал (портовое сооружение) с находящейся на значительном удалении в море нефтедобывающей платформой? Является ли, как ставится вопрос в многотомном комментарии к Конвенции 1982 г., составной частью порта «мол или гать, соединяющие прибрежную установку или искусственный остров с побережьем»? [United Nations Convention... 1995:122]

Используемый в Конвенции 1982 г. термин «портовые сооружения (harbor works)» определен в одном из изданий Секретариата ООН как «рукотворные постоянные конструкции, сооруженные вдоль побережья, которые формируют составную часть системы порта, такие как насыпи, молы, причалы и иные портовые устройства, прибрежные терминалы, пристани, водолымы, морские дамбы и т.д.»³. И необязательно все такие конструкции «соединены с побережьем», как правильно отмечают авторы комментария к Конвенции 1982 г. По их мнению, выражение «прибрежные установки и искусственные острова» добавлено в текст Конвенции 1982 г. «для того, чтобы ясно показать, что находящиеся в море районы погрузки и разгрузки не рассма-

² Статья 121 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Доступ: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 15.06.2018).

³ UN Office for Ocean Affairs and the Law of the Sea. Baselines: An Examination of the Relevant Provisions of the United Nations Convention on the Law of the Sea. Appendix I (Glossary of Technical Terms). – *UN Sales No. E.88. Vol. 5. 1989. P. 56.*

триваются в качестве портовых сооружений». Такого рода конструкции определяются как «отдельные от побережья (*separate from the coast*), от которого в сторону моря они отстоят» [United Nations Convention... 1995:122]. Отметим, что вряд ли только это объясняет процитированное добавление в ст. 11 Конвенции 1982 г. (по сравнению с текстом ст. 8 Конвенции о шельфе 1958 г.). Более значимой представляется следующая констатация: «Данное выражение не относится к нефтяным и газовым буровым установкам (*does not refer to oil and gas rigs*), которые, находясь за пределами территориального моря, охватываются ст. 60 и 80 Конвенции 1982 г.». Рассматриваемое выражение применяется к конструкциям, которые обеспечивают стоянку «крупнотоннажных судов на достаточно больших глубинах для выполнения погрузочно-разгрузочных работ», когда такие суда с большой осадкой «не имеют возможности зайти в порт» [United Nations Convention... 1995:122].

Очевидно (хотя это и не предусмотрено в Конвенции 1982 г. *expressis verbis*), что только прибрежное государство имеет право разрешать создание и использование искусственных островов, установок и сооружений в пределах своего территориального моря в силу своего суверенитета над ним. А в его исключительной экономической зоне по ст. 56 Конвенции 1982 г. прибрежное государство имеет юрисдикцию в отношении «создания (*establishment*) и использования (*use*)» искусственных островов, установок и сооружений. В некоторых учебниках по морскому праву утверждается, что прибрежное государство наделено согласно этой статье исключительным правом создавать и использовать искусственные острова, установки и сооружения в своей ИЭЗ. Это не совсем точно: и иностранное государство может получить такое право, но с согласия прибрежного государства, на его условиях, при подчинении его юрисдикции. Как отмечено в комментарии к Конвенции 1982 г., предусмотренная ст. 56 данного документа юрисдикция прибрежного государства в отношении «создания и использования искусственных островов и сооружений» подразумевает «также исключительную юрисдикцию над ними (*as well as exclusive jurisdiction over them*)» [United Nations Convention... 1995:542]. То есть прибрежное государство вправе, например, по соглашению с другой страной разрешить ей создать в своей ИЭЗ искусственный остров (на взаимоприемлемых финансовых и иных условиях), но и в этом

случае исключительную юрисдикцию над ним будет осуществлять, согласно Конвенции 1982 г., прибрежное государство.

Примечательно, что в комментарии к Конвенции 1982 г. предложен термин «искусственные острова и схожие конструкции (*artificial islands and similar structures*)», которого нет в Конвенции [United Nations Convention... 1995:542]. В комментарии также отмечено, что в ходе III Конференции ООН по морскому праву было предложено уточнить в ст. 1 Конвенции (об употреблении терминов), что понятие «установки» включает «искусственные острова и сооружения», но это предложение не было принято [United Nations Convention... 1995:584].

Ниже будет показано сущностное различие согласно Конвенции 1982 г. между статусами *искусственных островов*, с одной стороны, и *установок и сооружений* – с другой. Вместе с тем, исходя из анализа аутентичного текста Конвенции 1982 г. (и английского, и русского), можно констатировать, что нет конвенционного различия между значениями слов «установки», «сооружения», «устройства», «оборудование» и т.д. Правильнее говорить о едином правовом понятии, обозначаемом разными словами в различных контекстах. Так, в ст. 147 (об учете требований защиты морской среды при деятельности в Международном районе морского дна (далее – Район)) использовано лишь слово «установки (*installations*)»; ст. 194 (о мерах защиты морской среды) содержит выражение «установки (*installations*) и устройства (*devices*)»; ст. 209 (о предотвращении загрязнения в Районе) упоминает «установки (*installations*), сооружения (*structures*) и другие устройства (*other devices*)», а в ст. 258–262 употреблено выражение «научно-исследовательские установки или оборудование (*scientific research installations or equipment*)». Вышеизложенное не исключает, однако, что различные выражения могут получить индивидуальное правовое значение в конкретном нормативном контексте в будущем, по мере дальнейшей кодификации и прогрессивного развития международного права в данной специальной области.

Еще один значимый вопрос: как толковать ст. 60 Конвенции 1982 г. о том, что в своей ИЭЗ прибрежное государство имеет «исключительное право сооружать, а также разрешать и регулировать создание, эксплуатацию и использование: (а) искусственных островов; (б) установок и сооружений для целей, предусмотренных в статье 56 и для других экономических целей;

(с) установок и сооружений, которые могут препятствовать осуществлению прав прибрежного государства в зоне»? В многотомном комментарии к Конвенции 1982 г. по поводу этой статьи отмечается, что здесь *речь не идет* об исключительной юрисдикции прибрежного государства в отношении «*всех конструкций, сооруженных в его исключительной экономической зоне с любой целью (for any purpose)*». В обоснование авторы ссылаются на то, что на III Конференции ООН по морскому праву «*не были приняты предложения, согласно которым требовалось согласие прибрежного государства на сооружение всякой конструкции*» в пределах его исключительной экономической зоны [United Nations Convention... 1995:584–585]. Представителями международно-правовой науки правильно отмечено, что юридическое различие между правами прибрежного государства в отношении создания искусственных островов для любых целей (*for any purpose*) и установок и сооружений в ограниченных целях (*for limited purposes*) выглядит тонким (*seems tenuous*), но важным [Churchill, Lowe 1999:167]. Причина такого конвенционного разграничения состоит, по мнению специалистов, в том, чтобы «не допустить юрисдикцию прибрежного государства над установками и сооружениями, используемыми другими государствами в военных целях» [Churchill, Lowe 1999:168]. Это означает, что Конвенция 1982 г. не требует *expressis verbis* согласия прибрежного государства на сооружение, скажем, *военной конструкции* в его ИЭЗ. Но такое тотальное согласие прибрежного государства всегда *необходимо* в отношении создания *искусственного острова*, в том числе в военных целях. То есть ФРГ не может, к примеру, без согласия соседней Бельгии создать в ее ИЭЗ *искусственный остров*, даже если Германия будет утверждать, что такой остров сооружается не в коммерческих, а в *оборонных* целях, во благо Бельгии – союзника ФРГ по НАТО. Но Германия, согласно Конвенции 1982 г., вправе без согласия Бельгии создать в ее ИЭЗ «установку» или «сооружение» для военных целей, если только при этом не возникнет препятствий осуществлению природоресурсных, иных экономических и природоохранных прав Бельгии в ее ИЭЗ.

Это значимое правовое различие применимо и к отграничению понятия искусственных островов от понятия установок и сооружений *на континентальном шельфе*. Вышеизложенные вопросы толкования норм Конвенции 1982 г. об искусственных островах, установках и о со-

оружениях в ИЭЗ в основном применимы к анализу правового положения искусственных островов, установок и сооружений *на континентальном шельфе*. Данный вывод основывается, во-первых, на том, что дно исключительной экономической зоны, когда ИЭЗ установлена прибрежным государством, составляет его континентальный шельф (который, однако, может простирается и за пределы ИЭЗ), и, во-вторых, на том, что согласно ст. 80 Конвенции 1982 г. ст. 60 этого документа (об искусственных островах, установках и сооружениях в ИЭЗ) «применяется *mutatis mutandis* к искусственным островам, установкам и сооружениям на континентальном шельфе». При этом их международно-правовой режим *одинаковый в пределах 200 миль от исходных линий и за этими пределами, на всем протяжении континентального шельфа*.

В *открытом море* не только прибрежные государства, но также страны, не имеющие выхода к морю, вправе «возводить искусственные острова и другие установки», как предусмотрено в ст. 87 Конвенции 1982 г. в качестве *одной из свобод открытого моря*. Но эта свобода не абсолютная, а регулируемая, на что указывают, во-первых, слова «в соответствии с международным правом» и, во-вторых, уточнение «с соблюдением части VI» (о *континентальном шельфе*). Последнее очень важно. Как отмечено в многотомном комментарии к Конвенции 1982 г., эти слова означают признание того, что «континентальный шельф может простирается за пределы 200 морских миль от побережья (the continental shelf may extend beyond 200 nautical miles from the coast)», т.е. «за пределы исключительной экономической зоны», и в этом случае «лежащие над таким континентальным шельфом воды являются открытым морем (the waters superjacent to the continental shelf are high seas)» [United Nations Convention... 1993:83].

Большинство исследователей морского права оставили без внимания вышеупомянутое правовое различие между статусами искусственных островов и прочих стационарных конструкций, обозначаемых термином «установки и сооружения» или иными словами, используемыми в Конвенции 1982 г. Так, зарубежный правовед предложил следующую классификацию искусственных островов, установок и сооружений: (1) плавучие конструкции, стоящие на якоре; (2) стационарные сооружения, соединенные с морским дном с помощью балок и свай; (3) бетонные конструкции, в большинстве сво-

ем используемые в качестве нефтехранилищ, и (4) сооружения, созданные насыпным способом и предназначенные для разнообразных видов деятельности (строительство отелей, взлетно-посадочных полос, военных баз) [Soons 1974:1–2]. Без учета вышеобозначенного правового отличия искусственных островов от иных конструкций предложена и следующая классификация: (1) «морской город»; (2) искусственные острова, созданные для использования «в экономических целях»; (3) искусственные установки, предназначенные «для связи и транспортировки»; (4) установки «для проведения научных исследований и прогнозирования погоды»; (5) места «отдыха и развлечения» и (6) «военные установки» [Papadakis 1977:16–34]. Отметим, что оба правоведа привели цитируемые констатации в период до принятия Конвенции 1982 г., поэтому извинительны предложенные ими юридически аморфные классификации, далекие от конвенционных реалий. Но и в период после принятия Конвенции 1982 г. исследователи данной темы упускают это же главное правовое различие.

Так, в одном из сборников статей по морскому праву, написанных авторитетными российскими и иностранными специалистами, читаем, что Конвенция 1982 г. «не содержит ни определений искусственного острова, установки или сооружения, ни классификации этих объектов. Применительно к искусственным островам, установкам и сооружениям в ее тексте употребляется более десятка других терминов, причем многие по существу являются синонимами, несущими с юридической точки зрения идентичную смысловую нагрузку» [Мохова 2014:395]. Выше было показано, что правовое положение искусственных островов, с одной стороны, и статус установок и сооружений – с другой, существенно различаются, и эти термины с юридической точки зрения уж точно не несут идентичную смысловую нагрузку. Вместе с тем надо согласиться с автором в том, что множество слов в Конвенции 1982 г., которые выражают понятие «установки и сооружения», равно как и отсутствие общепринятого определения категории «искусственные острова», не способствуют ясности толкования и применения Конвенции.

В англоязычной многотомной энциклопедии международного права предложено определить

понятие «искусственный остров» как «временно или постоянно установленную платформу, сооруженную человеком и окруженную водой, находящуюся выше уровня воды при приливе» (“a temporary or permanent fixed platform made by man surrounded by water and above water at high tide”)⁴. Схожее определение дано в отечественной науке: «любое искусственно созданное пространство, окруженное водой и расположенное над линией наибольшего прилива»⁵. В контексте вышеизложенного, однако, такие дефиниции представляются не вполне удачными. Во-первых, они не отражают заложенное в Конвенции 1982 г. отличие искусственных островов от «установок и сооружений», о чем уже говорилось. Во-вторых, предложенная иностранным правоведом дефиниция вызывает вопросы и с точки зрения здравого смысла: почему «платформу» надо считать искусственным островом, а не установкой или сооружением? Если искусственный остров сооружается не только «человеком», но и роботами, то он перестает быть таковым? Что, если в данном районе, например, круглогодично покрытом льдами, нет возможности фиксировать уровень воды при приливе?

Специалистами предложены и иные дефиниции вышеупомянутых понятий. Так, искусственные острова определены как «объекты, созданные при помощи естественного материала, например гравия, песка, камней» (“Artificial island refers to constructions created by the dumping of natural substances like sand, rocks and gravel on the seabed”), в то время как «искусственные установки» – это сооружения, соединенные с морским дном при помощи балок и свай, а также бетонные конструкции (“Installation refers to constructions resting upon the seafloor by means of piles or tubes driven into the bottom, and to concrete structures”) [Soons 1974:3]. Но и при создании искусственного острова соединение его основания с морским дном может крепиться «при помощи бетонных конструкций». Кроме того, как будет показано далее, данные определения не поддержаны национальным законодательством.

Правильно, на наш взгляд, в юридической литературе обращено внимание на то, что «искусственный остров» целесообразно определить с учетом того, что он «физически связан с морским дном», причем «постоянно закреплен»

⁴ Bernhardt R. in: *Encyclopedia of Public International Law*. Vol. 11. Amsterdam. 1989. P. 38.

⁵ Герайбеков С.О. Проблема определения статуса искусственных островов, установок и сооружений в современном международном морском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 1977. С. 8.

в своем местоположении, и что его удаление «не представляется возможным без потерь для его целостности» [Мохова 2014:396]. Это представляется перспективным подходом к уяснению смысла термина «искусственные острова» в морском праве. Тем не менее ввиду отсутствия в Конвенции 1982 г. таких определений, обратимся, хотя бы выборочно, к национальному законодательному опыту установления правовых признаков, присущих искусственным островам, а также установкам и сооружениям.

4. Национальное право

Закон США о внешнем континентальном шельфе (Outer Continental Shelf Lands Act)⁶ и Закон США о затопляемых при приливе землях (Submerged Lands Act)⁷ 1953 г. не определяют понятия «искусственный остров», «установка» и «сооружение». Законом о загрязнении нефтью 1990 г. (Oil Pollution Act)⁸ квалифицированы категории «морские приспособления» (offshore facility) и «подвижная морская буровая установка» (mobile offshore drilling unit). Первый термин обозначает любые приспособления, расположенные в пределах судоходных вод Соединенных Штатов⁹, и все объекты (кроме судов¹⁰ и государственных судов), на которые распространяется юрисдикция Соединенных Штатов и которые расположены в пределах других морских пространств (“The term “offshore facility” means any facility of any kind located in, on, or under, any of the navigable waters of the United States, and any facility of any kind which is subject to the jurisdiction of the United States and is located in, on, or under any other waters, other than a vessel or a public vessel”) (§ 2701 (22) Закона). Термин «мор-

ская передвижная буровая установка» употребляется в значении судна (за исключением судна на воздушной подушке), пригодного для использования в качестве морского приспособления (“...means a vessel other than a self-elevating lift vessel capable of use as an offshore facility”) (§ 2701 (18) Закона).

Закон Канады о морских пространствах от 18 декабря 1996 г. относит к *искусственным островам* «любое созданное человеком расширение морского дна (any man-made extension of the seabed)», причем «вне зависимости от того, находится ли такое расширение дна выше поверхности поверхлежащих вод или нет (whether or not the extension breaks the surface of the superjacent waters)» (ст. 2)¹¹. А к *морским установкам или сооружениям* относятся, согласно Закону Канады, не только сами стационарные буровые конструкции, но также (а) любое судно и якорь, якорная цепь или платформа для бурового устройства, которые используются вместе с ним; (б) любая морская буровая установка, платформа для разработки месторождений, подводная установка, насосная станция, жилые помещения, склады, погрузочная или разгрузочная платформа, земснаряд, плавучий кран, трубопроводоукладчик либо другая баржа или трубопровод, а также любой якорь, якорная цепь или платформа для бурового устройства, которые используются вместе с ним¹².

В подходе Канады перспективным нам видится четкое правовое отграничение понятия «искусственный остров» от понятия «установки и сооружения» в полном соответствии с Конвенцией 1982 г., но при существенном уточнении, состоящем в обозначении тех признаков, которые присущи этим категориям. Так, искус-

⁶ 43 U.S. Code Chapter 29, Subchapter III – Outer Continental Shelf Lands. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/43/chapter-29/subchapter-III> (accessed date: 20.06.2018).

⁷ 43 U.S. Code Chapter 29 – Submerged Lands. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/43/chapter-29> (accessed date 20.06.2018).

⁸ 33 U.S. Code Chapter 40 – Oil Pollution. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/33/chapter-40> (accessed date: 20.06.2018).

⁹ Согласно § 9601 гл. 42 Кодекса законов США под судоходными водами понимаются воды Соединенных Штатов Америки, включая территориальное море (“...the waters of the United States, including the territorial seas”).

¹⁰ Тот же Закон предусматривает, что под термином «судно» понимается описание любого судна или иного искусственного приспособления, используемого или пригодного для использования в качестве средства транспортировки по воде, за исключением государственных судов (““vessel” means every description of watercraft or other artificial contrivance used, or capable of being used, as a means of transportation on water, other than a public vessel”).

¹¹ Oceans Act, Canada. 1996. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/O-2.4/> (accessed date: 20.06.2018).

¹² “Marine installation or structure include: (a) any ship and any anchor, anchor cable or rig pad used in connection therewith, (b) any offshore drilling unit, production platform, subsea installation, pumping station, living accommodation, storage structure, loading or landing platform, dredge, floating crane, pipelaying or other barge or pipeline and any anchor, anchor cable or rig pad used in connection therewith”. – Oceans Act, Canada. 1996. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/O-2.4/> (accessed date: 20.06.2018).

ственные острова – это, с точки зрения канадского законодателя, рукотворное «расширение» морского дна или его поднятие, в том числе *выше поверхности морских вод*, а установки, сооружения подобным материальным признаком (привязкой к расширению или поднятию морского дна) не обладают. Вместе с тем вряд ли можно согласиться с мнением о том, что «искусственные острова обычно больше (are normally larger)», чем установки и сооружения [Churchill, Lowe 1999:168], ведь научно-технический прогресс, конкретная экономическая цель и иные факторы могут обусловить целесообразность создания небольших искусственных островов и, напротив, огромных по объему и весу установок и сооружений.

5. Безопасность искусственных островов, установок и сооружений и безопасность навигации вблизи них

Интересы безопасности судоходства отражает, прежде всего, норма Конвенции 1982 г. о том, что искусственные острова, установки и сооружения «не могут устанавливаться, если это может создать помехи для использования признанных морских путей, имеющих существенное значение для международного судоходства» (п. 7 ст. 60). *Приоритет интересов судоходства* в сравнении с другими видами пользования морем подкреплен и документами, принятыми на уровне Международной морской организации (ИМО). Резолюция ИМО от 20 ноября 1985 г. А.572 (14) «Общие положения об установлении путей движения судов» указывает на необходимость обеспечения того, чтобы «нефтяные буровые установки, платформы и другие подобные объекты не сооружались внутри систем установления путей движения судов, принятых ИМО, или вблизи их» (п. 3.10). Кроме того, приоритет интересов международного судоходства отражен в ст. 261 Конвенции 1982 г., согласно которой размещение и использование установок в научных целях «не должны создавать препятствий на установившихся путях международного судоходства».

Далее, согласно ст. 60 Конвенции 1982 г. прибрежное государство обязано предоставлять надлежащее уведомление о сооружении искусственных островов и других конструкций и по-

стоянно поддерживать средства предупреждения об их наличии. Прибрежное государство может там, где это необходимо, устанавливать разумные *зоны безопасности* вокруг таких объектов, в пределах которых оно способно принимать надлежащие меры для обеспечения безопасности навигации, а также безопасности самих искусственных островов и иных конструкций. Такие зоны не могут простираться более чем на 500 м, которые отмеряются от каждой точки внешнего края таких конструкций. Более широкая зона безопасности допустима только согласно «*общепринятым международным стандартам*» или рекомендации «*компетентной международной организации*». Под ней понимается в данном случае ИМО.

Резолюция Ассамблеи ИМО А.671 (16) «Зоны безопасности и безопасность мореплавания вокруг морских установок и сооружений», принятая ИМО 19 октября 1989 г. (далее – Резолюция 1989 г.), консолидируя более ранние документы ИМО о морских установках и сооружениях, содержит рекомендации правительствам как прибрежных государств, так и государств флага. Приложением к Резолюции 1989 г. стал документ под названием «Рекомендации о зонах безопасности и безопасности мореплавания вокруг морских установок и сооружений». Согласно п. 1.3 Рекомендаций речь идет о тех морских установках и сооружениях, которые находятся на месте бурения, независимо от того, поставлены ли они на якорь или установлены на морском дне, и независимо от того, осуществляются ли в данное время операции по бурению. Резолюция 1989 г. предусматривает принятие соответствующим прибрежным государством мер против нарушения зон безопасности¹³.

Безопасности искусственных островов и иных конструкций посвящен Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1988 г. (далее – Протокол 1988 г.). Этот документ развивает положения Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства. Для целей данного правового документа стационарная платформа – это «искусственный остров, установка или сооружение, постоянно закрепленные на морском

¹³ Implications of the United Nations Convention on the Law of the Sea for the International Maritime Organization. Study by the Secretariat of the International Maritime Organization (IMO). P. 39. URL: <http://www.imo.org/en/OurWork/Legal/Documents/LEG%20MISC%208.pdf> (accessed date: 28.06.2018).

дне»¹⁴. Протоколом 1988 г. регулируются отношения между государствами-участниками, связанные с защитой таких платформ от их захватов, актов насилия, разрушения и т.д. Так, ст. 2 Протокола 1988 г. квалифицирует в качестве преступления действия лица, «если оно незаконно и преднамеренно:

a) захватывает стационарную платформу или осуществляет контроль над ней силой или угрозой силы или путем любой другой формы запугивания; или

b) совершает акт насилия против лица на стационарной платформе, если этот акт может угрожать ее безопасности; или

c) разрушает стационарную платформу или наносит ей повреждение, которое может угрожать ее безопасности; или

d) помещает, или совершает действия в целях помещения, на стационарную платформу каким бы то ни было способом устройство или вещество, которое может разрушить эту стационарную платформу или создать угрозу ее безопасности; или

e) наносит ранения любому лицу или убивает его в связи с совершением или попыткой совершения какого-либо из преступлений», указанных выше.

6. Защита морской среды

Не дать любой стационарной конструкции в море какие-то послабления с точки зрения международных природоохранных стандартов по сравнению с судном в море – таков стержневой правовой замысел, отраженный не только в ч. XII «Защита и сохранение морской среды» Конвенции 1982 г.¹⁵, но и во многих других природоохранных конвенциях, в том числе в Конвенции по защите морской среды Северо-Восточной Атлантики 1992 г., Международной конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1976 г., Конвенции об охране окружающей среды Северных стран 1974 г. и т.д. Особенно это касается этапа *прекращения эксплуатации* стационарных платформ.

Надо отметить, что нормы Конвенции 1982 г. об удалении более неиспользуемых установок и сооружений отличаются от соответствующих норм Конвенции о шельфе 1958 г. Согласно последней такие объекты «должны быть полностью убраны» (п. 5 ст. 5). А Конвенция 1982 г. не предусматривает такого абсолютного требования, обозначая некие параметры при удалении неиспользуемых установок и сооружений и допуская *expressis verbis*, что какие-то из них не будут полностью убраны. В этом документе указывается: «Любые покинутые или более неиспользуемые установки или сооружения должны быть убраны в целях обеспечения безопасности судоходства с учетом любых общепринятых международных стандартов, установленных в этой связи компетентной международной организацией. При удалении таких установок или сооружений должным образом учитываются также интересы рыболовства, защиты морской среды, права и обязанности других государств. О глубине, местонахождении и размерах любых установок или сооружений, которые убраны не полностью, дается надлежащее оповещение» (п. 3 ст. 60).

Детальные рекомендации прибрежным государствам касательно *вывода* морских установок и сооружений *из эксплуатации* содержатся, прежде всего, в резолюции Ассамблеи ИМО А.672 (16) «Руководство и стандарты по удалению морских установок и сооружений на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне»¹⁶. Суть этого документа заключается в следующем:

– более не используемые установки и сооружения в ИЭЗ и на континентальном шельфе «требуется удалять», за исключением случаев, когда их оставление на прежнем месте или лишь частичное удаление «соответствует данному Руководству и стандартам»;

– отнесение прибрежным государством конкретного случая к «исключению» допустимо на основе оценки ряда факторов, в том числе «потенциальных последствий» такого отнесения «для безопасности надводной и подводной

¹⁴ Часть 3 ст. 1 Протокола о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1998 г. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/shelf_security.shtml (дата обращения: 15.06.2018).

¹⁵ Статья 214 Конвенции 1982 г. предусматривает, в частности, что государства «принимают законы, правила и другие меры... в целях предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды, вызываемого или связанного с деятельностью на морском дне, подпадающей под их юрисдикцию, и искусственными островами, установками и сооружениями под их юрисдикцией».

¹⁶ Implications of the United Nations Convention on the Law of the Sea for the International Maritime Organization. Study by the Secretariat of the International Maritime Organization (IMO). P. 38.

навигации или других видов использования моря».

Независимо от вышеизложенного «полностью должны быть удалены»:

1) «все покинутые или более не используемые установки и сооружения, находящиеся на глубине менее 75 м и весом менее 4000 т (all abandoned or disused installations or structures standing in less than 75 m of water and weighing less than 4,000 tonnes), и

2) все покинутые и более не используемые установки и сооружения, установленные на морском дне 1 января 1998 г. или после этой даты, находящиеся на глубине менее 100 м и весом менее 4000 т (all abandoned or disused installations or structures emplaced on the sea-bed on or after 1 January 1998, standing in less than 100 m of water and weighing less than 4,000 tonnes)».

Прибрежное государство обладает исключительной юрисдикцией в отношении искусственных островов и иных конструкций, включая таможенные, фискальные, санитарные и иммиграционные вопросы. Эта исключительная юрисдикция охватывает также уголовную юрисдикцию в отношении преступлений, совершенных на таких конструкциях, а также в отношении них [United Nations Convention... 1993:585].

7. Подвижные морские конструкции

Вопрос о подвижных морских конструкциях давно поставлен, хотя соответствующего термина нет ни в Женевских морских конвенциях 1958 г., ни в Конвенции 1982 г. Следует ли сооружение, буксируемое по морю, или самоходную буровую установку до ее стационарной фиксации на морском дне отнести к понятию «судно» и, соответственно, придать таким сооружению или установке правовое положение судна в море?

Понятие «судно» в Конвенции 1982 г. не определено, однако его дефиниции есть в других международных договорах. Например, согласно Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов 1973 г. термин «судно» означает «эксплуатируемое в морской среде судно любого типа и включает суда на подводных крыльях, суда на воздушной подушке, подводные суда, плавучие средства, а также стационарные

или плавучие платформы»¹⁷. Но отнесение – для целей данной Конвенции – стационарной платформы к судам не поддержано в других международных договорах. Так, согласно Афинской конвенции о перевозке морем пассажиров и их багажа 1974 г., к судам относятся только «морские суда, за исключением судов на воздушной подушке» (ч. 3 ст. 1). Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью в понятие «судно» включает «любое морское судно и морское плавучее средство любого типа, построенное или приспособленное для перевозки нефти наливом в качестве груза, при условии, что судно, способное перевозить нефть и другие грузы, рассматривается в качестве судна только тогда, когда оно фактически перевозит нефть наливом в качестве груза, а также в течение любого рейса, следующего за такой перевозкой, если не доказано, что на борту не имелось остатков от такой перевозки нефти наливом» (ч. 1 ст. 1). Для целей Конвенции о Международной организации морской спутниковой связи 1976 г. (ИНМАРСАТ) термин «судно» означает эксплуатируемое в морской среде судно любого типа, в частности не постоянно закрепленные платформы¹⁸.

Общепринятым для целей морского судоходства считается то определение понятия судна, которое предусмотрено Конвенцией о Международных правилах предупреждения столкновения судов в море 1972 г. (далее – МППСС 1972 г.). Так, правило 3 МППСС 1972 г. «Общие определения» устанавливает, что термин «судно» означает «все виды плавучих средств, включая неводоизмещающие суда, экранопланы и гидросамолеты, используемые или могущие быть использованными в качестве средств передвижения по воде». В этом же правиле поясняется, в частности, выражение «судно, ограниченное в возможности маневрировать».

В таком контексте ответ на исходный вопрос «можно ли юридически квалифицировать в качестве «судна» буксируемую конструкцию или самоходную нефтегазовую платформу?» дан давно. Как отметил М.И. Лазарев еще в 1972 г., «в период движения к месту бурения статус самоходной платформы должен быть приравнен к статусу обычного судна. На такую самоходную платфор-

¹⁷ Часть 4 ст. 2 Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов от 2 ноября 1973 г., измененной Протоколом 1978 г. к ней (МАРПОЛ 73/78) с изменениями от 26 сентября 1997 г. Доступ: <http://base.garant.ru/2540818/> (дата обращения: 15.06.2018).

¹⁸ Пункт (f) ст. 1 Конвенции о Международной организации морской спутниковой связи от 3 сентября 1976 г. Доступ: <http://www.zakonpro.ru/content/base/7767> (дата обращения: 15.06.2018).

му должны полностью распространяться нормы действующих конвенций, предусматривающих правила судоходства, и в частности Правила по предупреждению столкновения судов». Но когда «подвижная платформа закрепляется неподвижно на дне на период работы, ее правовой статус изменяется... Следовательно, вокруг этой конструкции должна устанавливаться зона безопасности» [Лазарев 1972:11].

Обратимся к современным международно-правовым документам, в частности к резолюции Ассамблеи ИМО от 4 декабря 2013 г. А.1079 (28) «Рекомендации по подготовке персонала морских передвижных установок» (далее – Резолюция А.1079 (28)). Согласно этому документу морская передвижная установка (*mobile offshore unit*) – это «суда, которые могут с готовностью изменять местоположение (*which can be readily relocated*) и которые могут осуществлять производственные функции, включающие деятельность в море, иную чем та, которую традиционно осуществляют суда, подпадающие под действие гл. I Конвенции СОЛАС 1974 г.»¹⁹. Пункт 2.17 Резолюции А.1079 (28) содержит перечень объектов, которые могут быть квалифицированы как морская передвижная установка; данный перечень, как указано в документе, не является исчерпывающим. В него вошли (1) установка со стабилизирующими колоннами; (2) несамходная установка; (3) самоподъемная установка; (4) самоходная установка; (5) полупогружная установка и (6) плавучая установка. Согласно п. 1.3.40 другой резолюции Ассамблеи ИМО от 2 декабря 2009 г. А.1023 (26) «Кодекс по постройке и оборудованию морских передвижных буровых установок» и п. 2.16 Резолюции А.1079 (28) морская передвижная буровая установка – это «установка, которая может производить буровые работы с целью разведки или разработки ресурсов в недрах морского дна, таких как жидкие или газообразные углеводороды, сера или соль» (“*Mobile offshore drilling unit is a unit capable of engaging in drilling operations for the exploration for, or exploitation of, resources beneath the seabed such as liquid or gaseous hydrocarbons, sulphur or salt*”).

8. Заключение

Проведенный анализ норм Конвенции 1982 г. об искусственных островах и иных стационар-

ных конструкциях с учетом применимых положений иных многосторонних договоров, документов ИМО, а также публикаций по морскому праву позволяет сделать следующие выводы.

1. Положения Конвенции о шельфе 1958 г. о том, что только прибрежное государство имеет право «возводить, содержать или эксплуатировать на континентальном шельфе сооружения и иные установки, необходимые для разведки и разработки его естественных богатств», а также «создавать зоны безопасности» вокруг указанных сооружений и установок следует толковать в том смысле, что речь идет о *стационарных* (а не о *подвижных*) конструкциях, местоположение которых в море *фиксировано*. Этот подход поддержан и в Конвенции 1982 г. Вместе с тем в документах ИМО обозначена специфика правового положения *морских передвижных установок*.

2. В Женевских морских конвенциях 1958 г. четко *разграничены* статусы «сооружений и иных установок» и «подводных кабелей и трубопроводов». Подводный трубопровод, имея по Конвенции о шельфе 1958 г. (равно как и по Конвенции 1982 г.) специальный правовой режим, не *охватывается* конвенционным понятием «сооружение или иная установка».

3. Используемая в Конвенции 1982 г. категория «искусственные острова» не определена. Вместе с тем по смыслу Конвенции 1982 г. главное правовое отличие «острова» (естественного) от «искусственных островов» (рукотворных) состоит в том, что вокруг последних может быть установлена только *зона безопасности*, но не *территориальное море*. Нет вокруг искусственных островов и *исключительной экономической зоны*, и *континентального шельфа*.

4. Хотя это не предусмотрено в Конвенции 1982 г. *expressis verbis*, только прибрежное государство имеет право разрешать создание и использование искусственных островов, установок и сооружений в пределах своего *территориального моря* в силу своего *суверенитета* над ним.

5. Юридическое различие между правами прибрежного государства в отношении создания *искусственных островов* для *любых целей* и *установок и сооружений* в *ограниченных целях* значимо. Причина такого конвенционного разграничения состоит в том, что в результате достижения всеобъемлющего компромисса при принятии Конвенции 1982 г. было закреплено

¹⁹ Resolution A.1079 (28) “Recommendations for the Training and Certification of Personnel on Mobile Offshore Units (MOUs)”. December 4, 2013. URL: https://puc.overheid.nl/nsi/doc/PUC_82851_14/1/ (accessed date: 18.06.2018).

положение об отсутствии юрисдикции прибрежного государства над установками и сооружениями, используемыми другими государствами в военных целях. Но согласие прибрежного государства всегда *требуется* в отношении создания искусственного острова, в том числе в военных целях.

6. Это значимое правовое различие применимо и к отграничению понятия искусственных островов от понятия установок и сооружений на континентальном шельфе.

7. Отграничение искусственных островов от иных стационарных конструкций в море, объективно наличествующее в Конвенции 1982 г., целесообразно уточнить на уровне национального законодательства Российской Федерации. При этом в числе признаков искусственного острова можно обозначить его *постоянную физическую связь с морским дном*, его особенность как рукотворного поднятия морского дна.

8. Нет различия, согласно Конвенции 1982 г., между значениями слов «установки», «сооружения», «устройства», «оборудование» и т.д. Здесь правильнее говорить о *едином конвенционном понятии*, выражаемом с помощью разных слов в различных контекстах. В будущем, однако, вышеперечисленным терминам может быть придано *индивидуальное правовое значение* в конкретном нормативном контексте по мере дальнейшей кодификации и прогрессивного развития международного права в данной специальной области.

9. Государства вправе возводить искусственные острова и другие установки в качестве *одной из свобод открытого моря*. Но эта свобода не абсолютная, а регулируемая, в том числе с учетом того, что воды, лежащие над частью континентального шельфа за пределами 200 морских миль от исходных линий, всегда являются *открытым морем*.

Список литературы

1. Вылегжанин А.Н., Москва У. 2015. Международно-правовые начала управления трансграничными трубопроводами. – *Право и управление. XXI век.* № 3 (36). С. 62–69.
2. Марков В.Ю. 1985. Искусственные сооружения в море. – *Международное морское право: Справочник.* Под ред. Г.С. Горшкова. М.: Военное издательство. С. 217–228.
3. Мохова Е.М. 2014. Некоторые вопросы правового регулирования искусственных островов, установок и сооружений. – *Международное морское право: Статьи памяти А.Л. Колодкина = International Law of the Sea. Essays in memory of A.L. Kolodkin.* Сост. Р.А. Колодкин, С.М. Пунжин. М.: Статут. С. 394–413.
4. Лазарев М.И. 1972. Правовой режим морских буровых и иных установок. М.: Институт государства и права АН СССР. 185 с.
5. Dipla D. 1984. *Le régime juridique des îles dans le droit international de la mer.* Genève: Graduate Institute Publications. 248 p.
6. Mouton M.V. 1952. *The Continental Shelf.* The Hague: Martinus Nijhoff. 367 p.
7. Papadakis N. 1977. *The International Legal Regime of Artificial Islands.* Leyden: A.W. Sijthoff. 276 p.
8. Soons A. 1974. Artificial Islands and Installations in International Law. Occasional Paper Series. – *Occasional Paper No. 22.* Law of the Sea Institute: University of Rhode Island. 43 p.
9. *United Nations Convention on the Law of the Sea 1982: A Commentary.* Vol. III. Ed. by M.H. Nordquist, S.N. Nandan, S. Rosenne. 1995. The Hague; London; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 736 p.
10. *United Nations Convention on the Law of the Sea: A Commentary.* Vol. II. Ed. by S.N. Nandan, S. Rosenne. 1993. The Hague; London; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 1040 p.

References

1. Dipla H. *Le régime juridique des îles dans le droit international de la mer.* Genève: Graduate Institute Publications. 1984. 248 p.
2. Lazarev M.I. 1972. *Pravovoi rezhim morskikh burovykh i inykh ustanovok* [Legal Regime of Oil Rigs and Other Installations at Sea]. Moscow: Institut gosudarstva i prava AN SSSR Publ. 1972. 185 p. (In Russ.)
3. Markov V.Yu. *Iskusstvennye sooruzheniya v more* [Artificial Structures at Sea]. – *Mezhdunarodnoe morskoe pravo: Spravochnik.* Pod red. G.S. Gorshkova [International Law of the Sea. Ed. by G.S. Gorshkov]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Publ. 1985. P. 217–228. (In Russ.)
4. Mokhova E.M. *Nekotorye voprosy pravovogo regulirovaniya iskusstvennykh ostrovov, ustanovok i sooruzheniy* [Some issues Relating to the Legal Regulation of Artificial Islands, Installations and Structures. – *International Law of the Sea: Essays in memory of A.L. Kolodkin.* Ed. by R.A. Kolodkin, S.M. Punzhin. M.: Statut Publ. 2014. P. 394–413. (In Russ.)
5. Mouton M.V. *The Continental Shelf.* The Hague: Martinus Nijhoff. 1952. 367 p.
6. Papadakis N. *The International Legal Regime of Artificial Islands.* Leyden: A.W. Sijthoff. 1977. 276 p.
7. Soons A. *Artificial Islands and Installations in International Law.* Occasional Paper Series. – *Occasional Paper No. 22.* Law of the Sea Institute: University of Rhode Island. 1972. 43 p.
8. *United Nations Convention on the Law of the Sea 1982: A Commentary.* Vol. III. Ed. by M.H. Nordquist, S.N. Nandan, S. Rosenne. The Hague; London; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 1995. 736 p.
9. *United Nations Convention on the Law of the Sea: A Commentary.* Vol. II. Ed. by S.N. Nandan, S. Rosenne. The Hague; London; Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 1993. 1040 p.

10. Vylegzhanin A.N., Moskva U. Mezhdunarodno-pravovye nachala upravleniya transgranichnymi truboprovodami [International Legal Basis for Management of Trans-

boundary Pipelines]. – *Pravo i upravlenie. XXI vek.* 2015. No. 3 (36). P. 62–69. (In Russ.)

Информация об авторах

Александр Николаевич Вылегжанин,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

danilalvy@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4833-2525

Ксения Владимировна Крымская,

юрист, юридическая и консалтинговая фирма «Фактор»

119192, Российская Федерация, Москва, Мичуринский проспект, д. 16

kseniakrymskaya@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6254-9539

About the Authors

Alexander N. Vylegzhanin,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

danilalvy@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4833-2525

Kseniya V. Krymskaya,

lawyer, Legal and Consulting Firm "Factor"

16, Michurinskii pr., Moscow, Russian Federation, 119192

kseniakrymskaya@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6254-9539